

ЭДМУНД ЛЕВИН

ДЕЛО БЕЙЛИСА

Судебное слѣдствие

ДОПРОСЪ СВИДѢТЕЛЕЙ И ЗАКЛЮЧЕНІЯ ЭКСПЕРТОВЪ

(ЗАСѢДАНІЯ 17—28).

Съ п.
Jude

МИФ ОБ ИУДЕЙСКОМ
ЗАГОВОРЕ В РОССИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Эдмунд Левин
Дело Бейлиса и миф об
иудейском заговоре в
России начала XX века
Серия «Что такое Россия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67701497

Дело Бейлиса и миф об иудейском заговоре в России начала XX века:

Новое литературное обозрение; Москва; 2022

ISBN 9785444820223

Аннотация

20 марта 1911 года тринадцатилетний Андрей Ющинский был найден зарезанным на окраине Киева. Четыре месяца спустя полиция арестовала Менделя Бейлиса, тридцатисемилетнего отца пятерых детей, работавшего приказчиком на кирпичном заводе неподалеку. Никаких доказательств причастности Бейлиса к убийству не существовало, главным обвинителем был подозреваемый в убийстве, а само обвинение было основано на так называемом «кровавом навете» – фольклорном сюжете, согласно которому евреи используют кровь христиан в ритуальных целях. Российское общество, находившееся тогда на пороге исторической катастрофы, раскололось на тех, кто доказывал невиновность Бейлиса, и тех, кто стремился сделать

этот случай поводом для масштабных антисемитских кампаний. Государственное обвинение вызвало протесты по всему миру, в за щиту Бейлиса выступали Томас Манн, Герберт Уэллс, Анатоль Франс,

Артур Конан Дойл, архиепископ Кентерберийский и Джейн Аддамс. Автор – американский журналист и продюсер Эдмунд Левин – од ним из первых обратился к материалам дела и подробно рассказал историю, которая стала символом и грозным предостережением о пугающей силе и живучести лжи.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	13
«ЧЕГО Я БУДУ БОЯТЬСЯ?»	20
«ВЕНДЕТТА СЫНОВ ИАКОВА»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эдмунд Левин
Дело Бейлиса и миф об
иудейском заговоре в
России начала XX века

Памяти Селин и Мартина Левин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Весной 1911 года в пещере на дальней окраине Киева, входившего в состав Российской империи, был найден труп мальчика: на теле оказалось около пятидесяти колотых ран. Мальчика опознали как Андрея Ющинского тринадцати лет. Четыре месяца спустя отряд полиции и жандармов среди ночи ворвался в дом Менделя Бейлиса, приказчика, работавшего на кирпичном заводе, которого обвинили в убийстве мальчика. Осенью 1913 года состоялся самый громкий судебный процесс того времени. Отчеты о процессе публиковались на первых страницах газет всего мира, так как Бейлиса обвиняли в ритуальном убийстве христианского ребенка.

Представление, что иудеи ради своих дьявольских целей совершают ритуальные убийства христианских детей, чтобы добыть их кровь, зародилось в Западной Европе в XII–XIII веках. Кровавый навет оказался очень живучим: о нем то десятилетиями не вспоминали, то вдруг со скоростью эпидемии начинали распространяться новые слухи, как это было в конце XIX столетия в Центральной и Восточной Европе. Но никогда еще они не становились поводом к судебному разбирательству, как в случае с делом Бейлиса в Киеве, начатым при полной поддержке правительства.

Россия времен Николая II, где господствовали коррупция и упадок, была охвачена параноидальным страхом перед

«властью евреев», о чем свидетельствуют около полутора тысяч различных законов и указов, ограничивавших территории, на которых могли селиться иудеи, число школ, куда они могли отдавать детей, и профессий, какими они имели право заниматься. В первые годы XX века во время страшных погромов черносотенцы убили и покалечили сотни евреев, и царские чиновники часто закрывали глаза на эти зверства. Примерно в то же время в России были сфабрикованы скандально известные «Протоколы сионских мудрецов», содержащие якобы разработанный евреями секретный план по установлению мирового господства и получившие впоследствии распространение на Западе.

Впервые я услышал фамилию Бейлиса еще мальчиком от своей русско-еврейской бабушки, вспоминавшей за обеденным столом о дореволюционной России и о преследованиях евреев при царской власти. (Жалею теперь, что не записал ее рассказы.) Как-то после одной из таких историй она вдруг слегка покачала головой и с горькой усмешкой произнесла: «А Мендель Бейлис!» – и я понял, что за этим именем скрывается нечто очень значительное.

Много лет спустя, вспомнив бабушкино восклицание, я захотел побольше узнать об этом деле и был удивлен, обнаружив, что последняя книга о Бейлисе была написана почти полвека назад и что единственный основанный на первоисточниках отчет о событиях был опубликован в начале 1930-х годов в Советском Союзе. Кроме того, выяснилось, что по-

сле распада СССР зарубежные ученые получили доступ к архивным документам, включая оригинальные материалы дела. Однако никто не стал углубляться в них, чтобы во всех деталях рассказать историю дела Бейлиса.

Вскоре я уже просматривал тысячи отснятых на микроплёнку документов, к которым позднее добавились еще сотни архивных, часто с грифом «совершенно секретно». Попытки восстановить события этой драмы, длившейся два с половиной года, привели меня в Киев, теперь столицу Украины. Я ходил по улицам города, повторяя путь Андрея Ющинского, в последний день своей жизни отправившегося на тайную встречу с лучшим другом. Сидя в главной библиотеке Киева и читая отлично сохранившиеся номера газет, я чувствовал, как оживали перед моими глазами события прошлого.

Передо мной разворачивалась огромная и разнообразная панорама жизни евреев той эпохи в Восточной Европе: евреев сказочно богатых, как владельцы сахарных заводов в Киеве, и бедных, принадлежавших, как Бейлис, к рабочему классу, копивших гроши, чтобы отдать детей в русскую школу в надежде обеспечить им благополучное будущее. Но история Бейлиса повествует не только об этом: не только о целой сети гонителей евреев и их интригах, но и о многих достойных русских христианах, пытавшихся положить конец разбирательству, о целой веренице колоритных маргинальных персонажей, сыгравших ту или иную роль в судьбе Бей-

лиса. Кроме того, дело Бейлиса неожиданно проливает свет на историю революционного подполья, откуда вышли люди, которым всего через пять лет предстояло править Россией.

В Западной Европе процесс вызвал неприятное ощущение дежавю: когда в 1911 году Бейлиса арестовали, прошло всего пять лет с момента окончательного оправдания французского офицера Альфреда Дрейфуса – еврея, ложно обвиненного в государственной измене и отправленного на каторгу на Чертов остров. В защиту Бейлиса в один голос выступили ведущие деятели культуры, политики и представители духовенства: Томас Манн, Герберт Уэлс, Анатоль Франс, Артур Конан Дойл и архиепископ Кентерберийский.

В Америке дело Бейлиса положило начало вдохновляющему сотрудничеству евреев с неевреями, хотя почти в то же самое время там состоялся свой антисемитский судебный процесс, не менее скандальный и пугающе похожий. В августе 1913 года Лео Франк, управляющий карандашной фабрикой, был приговорен к смерти по ложному обвинению в убийстве девушки-подростка, работницы фабрики. Как ни удивительно, оба случая вызвали множество споров и разногласий среди видных американских евреев.

В России дело Бейлиса пришлось на период, когда со всей очевидностью обнаружилась дряхлость режима, вот-вот готового рухнуть. Процесс над Бейлисом – яркая иллюстрация к последней главе в истории династии Романовых. Русских преследовало ощущение, что привычный мир рассыпается

на части, их объединяло чувство грядущей катастрофы, хотя они и не знали, какое обличье она примет.

Я постарался представить персонажей этой книги с учетом лишь того, что им было известно на тот момент. Но читателю стоит держать в уме то, чего действующие лица не знают: почти все они будут уничтожены или сметены надвигающейся революцией – обречены на гибель или изгнание, расстрел или эмиграцию. Хотя среди них могли быть и люди, заслужившие своей участи, о многих других этого сказать нельзя: это был цвет русского общества, лучшие представители либеральной интеллигенции. Пожалуй, Россия так и не оправилась от этой потери.

Несмотря на широкий резонанс дела Бейлиса и последующее внимание к нему, исследователи странным образом обходили его стороной. Классическим отчетом о процессе считается «Кровавый навет» Мориса Самюэла (1967), а книга Роберта Вайнберга «Кровавая клевета в поздней имперской России. Ритуальное убийство Менделя Бейлиса» (2013), представляет собой образцовое собрание документов с вводными текстами, предваряющими каждую главу. До настоящего времени единственным полным документальным повествованием о процессе оставалась книга Александра Тагера «Царская Россия и дело Бейлиса», впервые изданная в 1933 году. Книга Леонида Кациса «Кровавый навет и русская мысль» представляет собой исчерпывающий анализ связанных с религией материалов процесса. В кни-

ге Александра Пиджаренко «Неритуальное убийство на Лукьяновке: криминальный сыск Киева в начале XX века» вымышленная реконструкция событий причудливо переплетается с оригинальными документами, часть которых нигде более не публиковалась. Бернард Маламуд, на которого дело произвело сильное впечатление, взял его за основу сюжета своего романа «Мастер» (*The Fixer*, 1967), удостоенного Пулитцеровской премии и Национальной книжной премии США. Однако за все эти десятилетия не появилось не только полноценного анализа дела Бейлиса, но даже ни одной книги, излагающей с опорой на первоисточники всю историю расследования и суда от начала до конца. В нашей книге история процесса над Бейлисом впервые изложена целиком, с момента зарождения предъявленного ему обвинения в головах нескольких фанатиков до нашумевшего судебного разбирательства.

Через сто лет после того как Бейлиса впервые ввели в зал суда, вменявшееся ему в вину убийство продолжает привлекать внимание представителей крайне правых в России и на Украине. Сегодня в кровавый навет верит значительная часть населения Ближнего Востока; о нем упоминают крупнейшие газеты, такие как «Эр-Рияд» в Саудовской Аравии, а профессор Каирского университета преподносит его как факт. В 1986 году вышла книга Мустафы Тласа, на тот момент министра обороны Сирии, под названием «Маца Сиона», которую переиздавали и цитировали вплоть до 2000-х

годов. В октябре 2001 года египетская газета «Аль-Ахрам» писала: «О зверском обычае замешивать мацу на крови неевреев на еврейскую Пасху свидетельствуют документы палестинской полиции, где зафиксировано много случаев обнаружения тел пропавших арабских детей: их находили изрезанными на куски, без единой капли крови. Наиболее правдоподобное объяснение заключается в том, что кровь еврей-экстремисты выкачивают, чтобы затем готовить на ней мацу, которую они едят во время празднования Пасхи». Подобные примеры встречаются в тошнотворных количествах, то есть кровавый навет не изжит и в XXI веке. Испытание, выпавшее на долю Менделя Бейлиса, – предостережение, напоминающее о силе и живучести убийственной лжи.

Наша книга основана главным образом на первоисточниках – в первую очередь стенограмме судебного заседания и объемных материалах дела из Государственного архива Киевской области – и на отчетах, печатавшихся в российских газетах того времени, а также на отдельных статьях из еврейской прессы. Особенно полезным для реконструкции образа человека, попавшего на скамью подсудимых, оказался текст, который я называю «утраченной автобиографией» Менделя Бейлиса, – обширное, состоящее из нескольких частей интервью, которое он дал в 1913 году газете «Хайнт» («Сегодня»), выходившей на идише, и которое, судя по всему, столетие пролежало нечитанным.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Андрей Ющинский, также Андрияша, тринадцатилетний мальчик, убитый в Киеве в марте 1911 года.

Менахем Мендель Бейлис, приказчик киевского кирпичного завода, обвиненный в убийстве Андрея.

Вера Чеберяк, мать Жени, лучшего друга Андрея, держательница воровского притона.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ

Вера Чеберяк (см. выше).

Иван Латышев по кличке Ванька Рыжий, член шайки Веры Чеберяк.

Борис Рудзинский, он же Борька, член шайки Веры Чеберяк.

Петр Сингаевский по кличке Плис, сводный брат Веры Чеберяк.

ОБВИНИТЕЛИ БЕЙЛИСА

Иван Григорьевич Щегловитов, министр юстиции.

Николай Алексеевич Маклаков, министр внутренних дел, брат адвоката Бейлиса Василия Маклакова.

Степан Петрович Белецкий, директор Департамента полиции.

Георгий Гаврилович Чаплинский, прокурор Киевской судебной палаты.

Александр Васильевич Лядов, вице-директор 1-го департамента Министерства юстиции, посланный в Киев в мае 1911 года для пересмотра результатов расследования.

Владимир Голубев, студент Киевского университета и глава правой молодежной организации «Двуглавый орел».

Андрей Карбовский, товарищ прокурора Киевского окружного суда.

Николай Николаевич Кулябко, начальник Киевского охранного отделения.

Адам Полищук, бывший агент полиции.

ЗАЩИТНИКИ БЕЙЛИСА: ЧИНОВНИКИ, ПОЛИЦИЯ, ЖУРНАЛИСТЫ

Николай Красовский, становой пристав в уездном городе,

прежде служивший сыщиком в киевской полиции и приглашенный расследовать убийство Ющинского.

Евгений Мищук, начальник Киевского сыскного отделения.

Василий Иванович Фененко, следователь по особо важным делам Киевского окружного суда.

Николай Васильевич Брандорф, прокурор Киевского окружного суда, пытавшийся прекратить процесс над Бейлисом.

Степан Иванович Бразуль-Брушковский, амбициозный киевский журналист.

Арнольд Давидович Марголин, отпрыск одной из богатейших семей в Российской империи, первый адвокат Бейлиса.

Владимир Дмитриевич Набоков, выдающийся либеральный юрист и журналист (отец писателя Владимира Набокова).

Василий Витальевич Шульгин, депутат Госдумы, публицист правых взглядов, выступавший против еврейских погромов.

АДВОКАТЫ БЕЙЛИСА

Оскар Осипович Грузенберг, самый известный русский юрист еврейского происхождения, глава адвокатской команды в деле Бейлиса.

Николай Платонович Карабчевский, один из наиболее

знаменитых русских адвокатов.

Василий Алексеевич Маклаков, адвокат, брат министра внутренних дел Николая Маклакова.

Александр Сергеевич Зарудный, адвокат, широко известный тем, что защищал революционеров.

Дмитрий Николаевич Григорович-Барский, киевский адвокат.

ОБВИНЕНИЕ

Оскар Юрьевич Винпер, прокурор.

Алексей Семенович Шмаков, поверенный матери Андрея Ющинского, гражданский истец.

Георгий Георгиевич Замысловский, член фракции правых в Государственной думе, поверенный матери Андрея Ющинского, гражданский истец.

СВИДЕТЕЛИ ЗАЩИТЫ

Амзор Эльмурзаевич Караев, молодой революционер.

Сергей Махалин, молодой революционер, вместе с Амзором Караевым пытавшийся помочь Бейлису.

Михаил Наконечный, сапожник, сосед Бейлиса.

Евдокия (Дуня) Наконечная, его дочь.

Екатерина Дьяконова, знакомая Веры Чеберяк.

Зинаида Малицкая, соседка Веры Чеберяк этажом ниже.

Павел Константинович Коковцов, профессор, один из крупнейших русских гебраистов.

Иван Егорович Троицкий, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, специалист по иудаизму.

Яков Мазе, главный раввин Москвы.

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ

Вера Чеберяк (см. выше).

Василий Чеберяк, ее муж.

Людмила Чеберяк, ее дочь.

Иустин Пранайтис, католический священник, выступавший в роли эксперта по иудаизму.

Иван Алексеевич Сикорский, профессор психиатрии в Киевском университете.

Дмитрий Петрович Косоротов, судебный медик, профессор.

Казимир и Ульяна Шаховские, фонарщики, свидетели, видевшие Андрея в то утро, когда он исчез.

Анна Захарова (Волкивна), нищенка и пьяница.

РАЗНЫЕ ЛИЦА С СОМНИТЕЛЬНОЙ РЕПУТАЦИЕЙ

Павел Мифле, бывший любовник Веры Чеберяк.

Иван Козаченко, сокамерник Бейлиса.

Анна Дарофеева, женщина, убившая своего мужа.

ПОЛИТИКИ И ЧИНОВНИКИ

Петр Аркадьевич Столыпин, председатель Совета министров Российской империи и министр внутренних дел; убит в сентябре 1911 года.

Владимир Николаевич Коковцов, преемник Столыпина на посту председателя Совета министров.

Павел Григорьевич Курлов, генерал, товарищ министра внутренних дел, главноначальствующий Отдельного корпуса жандармов.

Александр Федорович Шредель, полковник, начальник Киевского губернского жандармского управления.

СЕМЬЯ АНДРЕЯ ЮЩИНСКОГО

Александра Приходько, мать Андрея.

Лука Приходько, отчим Андрея, муж Александры.

Наталья Нежинская, тетка Андрея, сестра Александры Приходько.

Федор Нежинский, дядя Андрея, брат Александры Приходько.

«ЧЕГО Я БУДУ БОЯТЬСЯ?»

Два мальчика искали клад. Днем 20 марта 1911 года двое гимназистов двенадцати-тринадцати лет отправились на разведку в усадьбу Бернера в предместье Лукьяновка на северной окраине Киева. К усадьбе Бернера, участку земли площадью чуть менее пяти гектаров, испещренному насыпями, канавами и оврагами, поросшему густым кустарником, жаждавших приключений мальчиков влекли таинственные пещеры. Примерно за шестьдесят лет до описываемых событий пещеры были случайно обнаружены прокладывавшими дорогу рабочими и с тех пор будоражили воображение археологов и кладоискателей. Поскольку, согласно преданию, именно в таких местах обычно бывают зарыты клады, в 1850-е годы по указанию местного помещика здесь были проведены тщательные поиски сокровищ, якобы добытых в начале XVIII века казачьим атаманом.

К тому моменту, когда сюда приехали археологи, кладоискатели прочесали все пещеры, кроме одной, в которой археологи как раз обнаружили наиболее ранние из известных следов первых поселений на территории Киева, относящиеся к эпохе неолита. Находки оказались примечательными: кремневый нож, осколки гончарных изделий и гранитный очаг, настолько хрупкий от длительного использования, что камень можно было легко истолочь в муку, просто отломив

кусок и растерев его в пальцах. При дальнейших раскопках было найдено около двух тысяч человеческих скелетов: территория усадьбы прежде служила местом захоронения.

К весне 1911 года никаких археологов там давно уже не было, земля оставалась бесхозной, и киевская газета писала о ней как о «месте для игр детей-лукьянцев», где «местные хулиганы и „босяки“ имели... свой притон». Но легенда о сокровищах, спрятанных не то атаманом или «гетманом», не то мародерами-гайдамаками, продолжала будоражить воображение. Мальчики были уверены, что где-то в недрах этого унылого холма, расположенного примерно в трехстах метрах от извилистых улочек предместья, таятся несметные сокровища. Стоя на вершине крутого склона, мальчики видели буроватую ленту Днепра на северной границе Киева. Справа виднелись крыши и трубы кирпичного завода, принадлежавшего Зайцеву, богатому еврею. Местные дети частенько пробирались на территорию завода и играли там, пока сторож не прогонял их прочь.

Петя Еланский, затеявший эту экспедицию, повел своего друга Борю Белошицкого вниз, к пещере. Рядом с входом в пещеру, на земле, Петя увидел порванную школьную тетрадь. Он прочел на обложке имя, но оно ни о чем ему не говорило.

Боря боялся спускаться в пещеру. Все знали, что клад могут охранять злые духи гайдамаков. Но Петя не колебался. Пещера была прекрасным тайником: вход в нее составлял

около метра в высоту и менее восьмидесяти сантиметров в ширину – слишком маленький, чтобы туда вздумалось заглянуть взрослому, но достаточно большой, чтобы мальчику пролезть внутрь, согнувшись.

Температура была чуть выше нуля: вот уже три дня в Киеве стояла весенняя оттепель, каждый год превращавшая немощные улицы города в грязные реки и заставлявшая жителей бояться, как бы полноводный Днепр снова не вышел из берегов и не случилось еще одного страшного наводнения. Вода тоненьким ручейком струилась в пещеру, но внутри было сухо. Когда Петя прополз метра два, он увидел развилку, делившую пещеру на две ниши, расположенные под прямым углом одна к другой. Теперь он мог выпрямиться во весь рост: внутри высота пещеры превышала в некоторых местах полтора метра. Сначала мальчик заглянул в левую нишу и заметил какую-то фигуру, привалившуюся к стене. Сперва он решил, что это кукла. Потом подумал, что женщина. Он, конечно, видел пьяниц, шатавшихся по улицам Лукьяновки, где питейные заведения попадались чуть ли не на каждом углу. Но фигура не шевелилась, а вид у нее был странный и зловещий.

Петя вылез из пещеры и побежал к отчиму, Леонтию Синицкому, фельдшеру, работавшему в полиции. Синицкий отнесся к словам пасынка скептически: мальчику наверняка померещилось. И все же около двух часов пополудни он отправился в пещеру вместе с Петей. Согнувшись, добрался до середины. Свет слабо проникал внутрь, но Синицкий разглядел фигуру человека, показавшуюся ему похожей на бородатого мужчину. Он испугался, что кто-то затаился, чтобы

напасть, выкарабкался наружу и вместе с Петей побежал к ближайшей церкви, где стоял на посту городской.

Вскоре раздался свисток городского, на который явился дежурный городской. Узнав, что случилось, тот пошел к пещере вместе с Синицким и его пасынком. Протиснувшись внутрь, зажег спичку. Тело, сообщил городской, принадлежит не мужчине или женщине, а мальчику, и этот мальчик мертв. На нем были лишь рубашка, кальсоны и один заносенный чулок. Труп находился в полулежачем положении, руки были связаны за спиной бечевкой. Прямо над ним из щели в стене пещеры торчали пять школьных тетрадей. На полуголых ногах, согнутых и скрещенных, лежал ремень, на обратной стороне которого городской обнаружил надпись: «Ученика приговорительного класса Киево-Софийского училища Андрея Ющинского».

Городской хотел было забрать из пещеры ремень, но Синицкий его остановил – он знал, что до прибытия следователей ничего нельзя трогать. Прибыло подкрепление, и некий офицер Рапота из-за своей дородности не смог протиснуться в пещеру. Принесли лопату, расчистили снег, а вместе с ним и следы, что могли на нем оставаться.

Чуть менее чем в трехстах метрах от пещеры приказчик Мендель Бейлис сидел за столом в своей конторе, где работал с раннего утра. «Когда я посмотрел в... окно в то холодное, темное утро, – вспоминал он позже, – я увидел людей, бегущих куда-то в одном направлении». Когда он вы-

шел, чтобы узнать, что случилось, ему сказали, что неподалеку нашли тело убитого мальчика. Бейлис никуда не побежал, он вернулся в контору, где продолжал выписывать квитанции на груженые кирпичом подводы, отправлявшиеся с завода.

Вскоре, как писала местная газета, «толпы любопытных плотным кольцом окружили пещеру». Многие зеваки хотели пробраться внутрь. Полиция с трудом выдерживала натиск толпы. До прибытия следователя, которому поручили дело, надлежало оставить все как есть; вместо этого ремень, пять тетрадей Андрея Ющинского и несколько клочков газеты, испачканных кровью, уже отправили в полицейский участок. Когда тужурку и шапку мальчика, найденные в правой нише пещеры, вынесли наружу, люди из толпы запросто трогали и рассматривали их.

В числе первых, кого полиция пригласила в пещеру для опознания тела, была Вера Чеберяк, мать лучшего друга Андрея Ющинского Жени. Чеберяк в Лукьяновке имела дурную славу. Несколькими годами ранее она ослепила своего любовника, гармониста-француза, плеснув ему в лицо серной кислотой, но почему-то избежала наказания. Поговаривали, что она содержит воровской притон, скупает краденое, занимается сводничеством. Как ни удивительно, Вера Чеберяк уже много лет была замужем за почтенным чиновником, которому родила троих детей. Увидев тело, Чеберяк сказала полицейским, что ребенок в самом деле похож на друга

ее сына, но имя на ремне ей незнакомо. Она знала мальчика только по прозвищу – Домовой. В тот же день она вернулась уже с сыном Женей, который и сообщил ей, что фамилия его друга была Ющинский. Мать и сына провели через расчищенный вход в пещеру. Увидев тело, мальчик сказал: «Да, мама, это он самый и есть Домовой».

В окружении Андрея Ющинского почти у всех, взрослых и детей, были прозвища: Лапочка, Лягушка, Волкивна, Курносый, Криворучка, Косой, Матрос... Иной раз происхождение прозвища было очевидным, иной раз не вполне. Едва ребенок получал прозвище, оно накрепко к нему приклеивалось и преследовало буквально до могилы. Только тогда на простом кресте вырезали его настоящие имя и фамилию. Однако Андрею было отказано в этих скромных почестях: закон запрещал ему носить фамилию отца, который оставил жену и сына, когда мальчику не исполнилось и двух лет, и, по слухам, уехал на Дальний Восток служить в царской армии.

Товарищи Андрея рассказали, что он избегал называть свою фамилию Ющинский – девичью фамилию матери, знак его незаконного происхождения. Однако ему нравилось говорить об отце. Андрей уверял друзей, что в конце концов он воссоединится с этим человеком, Феодосием Чирковым, который не дал ему даже свою фамилию. Мальчик рассказывал друзьям, что отец вернется и непременно позовет сына к себе жить, и он, Андрей, возьмет с собой бабушку, а мать и даже любимую тетку Наталью не возьмет, потому что иначе

люди подумают, что отец просто хочет еще одного ребенка от той или иной женщины, но Андрей никому не позволит так думать. Иногда воссоединение с отцом виделось мальчику событием отдаленного будущего. Когда вырастет, говорил Андрей товарищам, он сам отправится на Дальний Восток на поиски отца, который, конечно, ждет его.

Всю жизнь родные называли Андрея обычным уменьшительным именем Андрюша, однако остальные жители Лукьяновки знали его по прозвищу Домовой, по имени некоего доброго духа дома, который временами может шалить и бить посуду.

Возможно, прозвище было связано с телосложением Андрея: казалось, что в отрочестве он совсем перестал расти. Сосед, знавший Андрея с раннего детства, считал, что прозвище Домовой он получил потому, что любил бродить по ночам в одиночку по улицам. «Я его, бывало, спрашиваю: что ты так поздно ходишь, тебе не страшно? А он отвечает: чего я буду бояться?»

Субботним утром 12 марта 1911 года Андрей проснулся около шести утра. Он осторожно поднялся, не разбудив двух своих братьев, спавших в той же комнате. Мать и отчим были на работе. В тот день Андрей решил прогулять школу – судя по свидетельским показаниям, впервые в жизни – и отправиться в хорошо знакомую ему Лукьяновку.

Ему повезло: на кухне он нашел вчерашний борщ, которым и позавтракал. Чаще всего еды в доме не было, и он

ходил голодный. Возможно, расти он перестал от недоедания: в тринадцать лет его рост составлял немногим более ста тридцати сантиметров. (В судебном-медицинском заключении отмечалось хрупкое сложение и недостаточное питание мальчика.)

Накануне Александра, мать Андрея, жаловалась собственной матери, что у нее нет ни гроша. Немногих денег, которые Александра выручала стиркой белья и торговлей овощами, и жалованья ее мужа Луки, переплетчика, едва хватало, чтобы не умереть с голода. В ответ мать дала Александру шестнадцать копеек, которых хватило на картошку, свеклу, капусту и подсолнечное масло для супа.

Часов в доме не было, однако Андрей всегда просыпался вовремя. Учителя говорили, что мальчик всегда приходил ровно к половине девятого. Когда Андрей в то утро вышел из дома, казалось, он направляется в Киево-Софийское духовное училище, куда поступил, чтобы стать православным священником. Понукаемый теткой Натальей, ради этого он в течение девяти месяцев занимался с репетитором (который называл его «очень восприимчивым», хотя и «немного задумчивым»). С осени предыдущего года он получал в училище приличные отметки, что для ребенка в его обстоятельствах можно назвать достижением.

Андрей носил вышитую матерью сорочку, темные брюки, фуражку с эмблемой училища, форменную тужурку и войлочное пальто. Учебники Андрей перевязывал двумя ко-

жаными ремнями, подаренными на Рождество теткой Натальей, платившей за его обучение. Для учебы ему требовалось каждый день всего три-четыре книги, но он всегда носил с собой все семь или восемь, а еще с полдюжины тетрадей, боясь, что, если оставит книги и тетради дома, младшие братья их изорвут.

Соседский мальчик Павел Пушка видел, как Андрей вышел из дома, перекинув через плечо тяжелую связку книг. Павел некоторое время шел рядом, но Андрей не сказал ему ни слова.

Осенью предшествующего года семья Андрея переехала из Лукьяновки в Никольскую Слободку на левом берегу Днепра, за пределами города, хотя и у самой его границы. Андрей еще не вполне освоился на новом месте. Он играл на улице с сыновьями лавочников и еврейскими мальчиками (в Никольской Слободке евреи проживали без ограничений), но настоящих товарищей у него не появилось. Должно быть, он соскучился по Лукьяновке, где бегал с лучшими друзьями: Женей, Иваном, сыном извозчика, и Андреем Майстренко, мать которого работала в казенной винной лавке. Но все вместе они редко играли – Женя с Андреем предпочитали проводить время вдвоем.

По величественному почти восьмисотметровому Николаевскому цепному мосту, на тот момент самому длинному в мире, Андрей перешел на другую сторону Днепра. Чем он потом занимался, выяснить не удалось. Позднее он добрал-

ся до Лукьяновки, постучался к Чеберякам, и Женя вышел с ним поиграть.

Еще не было семи утра, когда фонарщик Казимир Шаховской, залив керосин в фонари на своем участке, шел домой с лестницей на плече. Жил он на Половецкой улице, шагах в пятидесяти от дома Жени Чеберяка на Верхней Юрковской. Шаховской только что получил от подрядчика рубль жалованья авансом. Когда он пришел домой, Ульяна, его жена, отправилась с рублем в лавку. По дороге она увидела Андрея с Женей – они стояли на углу Половецкой и Верхней Юрковской, разговаривали и ели конфеты. Она заметила, что Андрей был без пальто, а в руках у него связка книг.

Вышедший позже из дома Шаховской тоже встретил Андрея с Женей – они стояли на тротуаре и разговаривали чуть подале от того места, где их видела Ульяна. Казимир обратил внимание, что Андрей держал в руках баночку «длинной в вершок» (то есть 4,4 сантиметра) с чем-то черным – Шаховской не сомневался, что с порохом, который тот, возможно, купил на рынке. «Увидя меня, он подбежал ко мне и, ударив меня рукой по плечу, спросил меня: куда я иду, – вспоминал Казимир. – Ударил он меня довольно больно, так что я даже рассердился и... сказал, что ему нет дела до того, куда я иду». Обернувшись, Шаховской выругался: «Байстрюк!» (так тогда называли незаконнорожденных).

Если Андрея это и задело, он не подал виду. «Дяденька, куда идешь, возьми меня с собой», – умолял он. Казимир

мир шел ловить щеглов, которых продавал на рынке; у Андрея была сеть, и ему нравилось ловить птиц, поэтому он так хотел присоединиться к Шаховскому. Но фонарщик пошел прочь, не ведая, что он последний, кто видел мальчика живым.

Вскоре после обнаружения трупа в дверь к Менделю Бейлису, жившему на Верхней Юрковской улице в двухэтажном доме у ворот завода, где располагалась и его контора, постучали. Евреи, исповедовавшие иудаизм, могли жить только в пятнадцати западных губерниях в пределах так называемой черты оседлости, куда не входил Киев. Ограничения снимались при переходе в христианство. Бейлис с семьей получил от властей дозволение жить в Киеве и особую привилегию проживания в этой части города лишь благодаря покровительству Ионы Зайцева, владельца кирпичного завода.

Открыв дверь, Бейлис увидел русского соседа, который пришел к нему в гости. Бейлис знал, что тот был членом антисемитской «Черной сотни», но это обстоятельство не мешало им общаться. Бейлис хорошо ладил с соседями-христианами и находился в дружеских отношениях по меньшей мере с еще одним черносотенцем. Люди, ненавидевшие евреев как народ, прекрасно уживались с отдельными его представителями.

Сосед сообщил странную новость: в газете его организации было написано, что Андрея Ющинского для «ритуальных» целей убили евреи. Бейлис не воспринял сообщение

соседа как угрозу для себя и других евреев, хотя не исключено, что тот хотел дружески предостеречь Бейлиса, намекая на возможные антиеврейские меры в связи с убийством мальчика.

Мендель Бейлис, проживший в Киеве пятнадцать лет, лишь однажды ощутил смертельную опасность из-за своего еврейского происхождения – во время ужасного погрома 1905 года, когда разъяренные толпы убили десятки евреев и разнесли почти все еврейские дома и предприятия, вплоть до самых жалких ларьков. Когда толпа начала буйствовать, местный священник распорядился, чтобы дом Бейлиса охраняли. Бейлис оказывал священнику некоторые услуги, в том числе договорился, чтобы ему продали кирпич на строительство школы для сирот по более низкой цене, и разрешил похоронным процессиям проходить по территории завода – кратчайшей дорогой к кладбищу. Владелец другой расположенной неподалеку фабрики, христианин, отказал священнику в этой просьбе, и тот часто напоминал своей пастве, что еврей помог ему, а христианин – нет. После погрома Шолом-Алейхем, крупнейший еврейский писатель и уроженец Киева, писал дочери, что не пощадили никого: «Они избили наших миллионеров – Бродских, Зайцевых...» Получилось, что особняки Зайцевых и еще более зажиточных Бродских в одной из лучших частей города были разорены – а дом Бейлиса оказался одним из немногих нетронутых еврейских жилищ в Киеве.

Когда улеглись революционные и антисемитские беспорядки 1905 года, возобновил работу и кирпичный завод. Иона Зайцев, сахарный магнат, вкладывал доходы от фабрики в поддержание еврейской хирургической больницы, передового медицинского учреждения, оказывавшего бесплатную помощь неимущим пациентам всех вероисповеданий и построенного на средства Зайцева в 1894 году в честь бракосочетания Николая II и Александры Федоровны. Он и другие видные евреи надеялись, что подобные полезные учреждения послужат доказательством заботы киевских евреев об общем благе и их лояльности режиму. Погром 1905 года стал катастрофическим шагом назад, но благотворительная больница продолжала работать. Можно сказать, что, работая заводским приказчиком, Мендель Бейлис тоже прилагал усилия, чтобы завоевать расположение русских людей и государства.

Через неделю после случившегося Андрея похоронили на кладбище Лукьяновки. Панихиду служил бывший духовник Андрея, который, произнося нараспев слова православного богослужения, вдруг заметил, что в открытую могилу летят клочки бумаги. Это были листовки, которые гласили, что Андрюшу Ющинского «замучили жида», каждый год перед своей Пасхой (еврейская Пасха в том году выпала на 31 марта) убивающие христианских детей, чтобы смешать христианскую кровь с мацой и таким образом отпраздновать смерть Спасителя, которого они замучили, распяв на кресте.

Судебные доктора нашли, что Андрея Ющинского перед страданиями связали, раздели и голого кололи, причем кололи в главные жилы, чтобы побольше добыть крови! Жиды сделали пятьдесят уколов Ющинскому!

Русские люди! Если вам дороги ваши дети, бейте жидов! Бейте до тех пор, пока хоть один жид будет в России! Пожалейте ваших детей! Отмстите за невинных страдальцев! Пора! Пора!

Вскоре по подозрению в подстрекательстве к насилию и раздаче провокационных листовок полиция арестовала некоего Николая Павловича. Киевская охранка подтвердила, что двадцатидвухлетний Николай «известен отделению» как член черносотенной организации «Союз русского народа» и местного общества правой молодежи «Двуглавый орел». Тайная полиция не спускала глаз с любой сколько-нибудь значимой политической организации, пусть даже внешне преданной царскому режиму. Павлович, время от времени работавший механиком, был мелким преступником и типичным представителем «Черной сотни», в которую входил и криминальный элемент – люди, не брезговавшие насилием, грабежом и убийством. При этом «Черная сотня» была первым движением правого толка, объединившим все социальные классы России – крестьян, рабочих, духовенство, лавочников, дворян – для защиты царя от его врагов. Николай II благосклонно относился к «Черной сотне». В декабре 1905

года, когда год, принесший России столько потрясений, подошел к концу, он заявил: «Я верю, что с вашей помощью мне и русскому народу удастся победить врагов России».

Черносотенцы появились в хаосе революции 1905 года, поставившей под угрозу существование трехсотлетней династии Романовых. Революционное движение в России зародилось давно, но настоящей революции страна не видела до 1905 года. Правда, сказать, что до первой революции в государстве царили мир и спокойствие, нельзя: предыдущее поколение русских людей фактически изобрело политический терроризм в его современной форме. В 1881 году народовольцы убили Александра II, деда последнего императора; это было первое в истории убийство, совершенное террористом-смертником. При этом «царь-освободитель», отменивший крепостное право, был самым либеральным правителем за всю историю России. В первые годы XX века счет царских чиновников, убитых членами других радикальных организаций, преемниками народолюбцев, – прежде всего эсерами, шел на тысячи. С осени 1905 года по осень 1906-го, рекордный по количеству жертв год, число убитых составило 3611. Вкус радикалов к кровопролитию скорее зачаровывал, чем отталкивал значительную часть либеральной общественности, видевшей во взрывах, убийствах и грабежах (или «экспроприациях») акты романтического и героического отчаяния. Сочувствие революционерам считалось, по словам одного из современников, признаком хорошего тона, показы-

вающим, что человек занимает правильную позицию в истории. В 1905 году революционеры внезапно превратились в серьезную угрозу для одряхлевшего самодержавия, ослабленного войной с Японией.

В этот тяжелый год черносотенные организации по собственному почину занимались охраной порядка или функционировали как военизированные группы, поддерживавшие царский режим. Известно, что черносотенцы творили произвол, подстерегая на улицах людей – особенно евреев и студентов, – которых подозревали в непокорности властям, и заставляя их становиться на колени перед портретом царя. Скандальную славу им принесли жестокие погромы, устроенные по всей империи в 1905–1906 годах, в том числе в Киеве. Вопреки представлениям современников и потомков, историки полагают, что такие акции нельзя считать обдуманными и запланированными. При этом были убиты около трех тысяч евреев, тысячи получили увечья, мародеры набрасывались на людей посреди улицы, разоряли еврейские жилища и предприятия.

Сам Николай II никогда не призывал открыто к насилию в отношении евреев, но так писал матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне в октябре 1905 года:

В первые дни после манифеста нехорошие элементы сильно подняли головы, но затем наступила сильная реакция, и вся масса преданных людей воспряла. Результат случился понятный и обыкновенный у

нас: народ возмущился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как девять десятых из них – жидаы, то вся злость обрушилась на тех – отсюда еврейские погромы.

Царь покровительствовал одному из самых одиозных подстрекателей-черносотенцев, «безумному монаху» Илиодору, который пропагандировал идеологию правых в чистом виде, построенную, по словам историка Джейкоба Лангера, на «представлении о евреях как народе, наделенном сверхчеловеческой силой и распространяющем зло в библейских масштабах». Илиодор, живший в Царицыне (нынешнем Волгограде), проповедовал перед многотысячными толпами. Он утверждал, что евреи пьют человеческую кровь, что для них убийство христианина – благочестивый поступок, что Антихрист родится среди евреев, что они прокляты Богом, что от них все зло на свете. «Безумный монах» обладал таким обаянием, что доводил некоторых слушавших его женщин до истерических рыданий.

Премьер-министр П. А. Столыпин в частных разговорах называл Илиодора «фанатиком» и распространителем «черносотенной пропаганды», расшатывавшим авторитет правительства. Но Илиодору удалось втереться в доверие к ближайшему окружению императора. Он заручился покровительством «святого старца» Григория Распутина, гипнотическое воздействие которого на царскую семью на тот момент достигло апогея. Церковь попыталась отослать Илиодора в

отдаленную епархию, но царь воспрепятствовал высылке – по его словам, «из жалости» к приверженцам этого праведника.

История Илиодора иллюстрирует парадоксальные правила игры, установившиеся на закате царской России. Мишенью Илиодора оказалась не только «сатанинская шайка» во главе с евреями, но также богатые капиталисты и помещики; он даже призывал казнить премьер-министра. Николай же видел в нем не врага, подрывающего государственные устои, а одного из «массы преданных людей», защищающей его от «наглости» настоящих врагов, «девять десятых» которых якобы составляли евреи.

Илиодор погубил свою карьеру: он пошел против своего покровителя Распутина, пригрозив предать огласке разврат «святого старца», однако тот действовал искуснее Илиодора, которого в конце концов сослали и лишили сана. Воспользоваться убийством мальчика в своих целях предстояло уже не ему¹.

Андрей лежал в открытом гробу: раны были запудрены, вокруг шеи – лента с кипарисовым крестом, в правом кармане брюк от школьной формы – десять копеечных монет.

¹ Всего через несколько лет Илиодор шокировал своих единомышленников, отрекшись от реакционных антисемитских взглядов и написав откровенную автобиографию. Он переехал в Америку, где сыграл самого себя в немом фильме «Падение Романовых», судился за права на свою книгу, потом вернулся в Россию, а в 1923 году снова перебрался в Америку, став баптистским проповедником. Умер в Нью-Йорке в 1952 году.

На похоронах собрались его школьные товарищи и учителя. На холодном ветру стояла тетка Наталья в последней стадии чахотки. Присутствовала и Вера Чеберяк с Женей и двумя дочерьми. Но родители Андрея отсутствовали: в это время его мать и отчим находились в местном полицейском участке под арестом.

В семье Андрея имелись все предпосылки, необходимые для будничной домашней трагедии: внебрачный ребенок, гневливый отчим, слухи о диких скандалах и жестокости. Разговоры с друзьями, соседями, родственниками Андрея могли лишь усилить подозрения следователей. Один из учителей Андрея был уверен, что дома у мальчика не все благополучно, отмечая его «заморенность» и «худобу», равно как и то, что «он был скрытен, ни с кем не сходил, держался особняком... в коридоре один ходил». Одноклассники знали, что Андрей часто приходил в школу голодным. Многие свидетели рассказывали, что мать била Андрея. Женя Чеберяк утверждал, что била «немножко, и до крови его никогда не била», но пожилой сосед утверждал, что мать «с ним скверно обращалась», и мальчик спасался от матери у тетки. Это подтвердил и один из школьных товарищей Андрея.

«Так как детей у меня нет, я очень полюбила незаконного сына моей родной сестры... Андрюшу... которого я решила воспитать и вывести в люди», – рассказала на допросе Наталья, которая через несколько месяцев сама умерла от чахотки. Обладая редким предпринимательским талантом,

эта женщина организовала у себя дома собственную мастерскую, занимавшуюся изготовлением декоративных коробок для магазина на Крещатике. Мастерская приносила скромные доходы, но позволяла Наталье оплачивать обучение племянника.

Наталья фактически заменила Андрею мать, которую мальчик с раннего детства называл исключительно Сашкой. Не поделившись своими подозрениями с полицией, Наталья озвучила их в присутствии местного трактирщика Добжанского, который хорошо знал Андрея – когда у мальчика появлялось несколько свободных копеек, он заходил в пивную, чтобы позавтракать одним яйцом. Под присягой Добжанский показал, что, когда нашли труп Андрея, Наталья в полном отчаянии заявила: «Убили мальчика никто как свои».

На данном этапе вести следствие предстояло сыщику Евгению Мищуку, начальнику Киевского сысканого отделения, который работал в правоохранительных органах около двадцати лет и компетентность которого вызывала сомнения, а методы заслуживали порицания. Мишук отличался легковерием, опрометчивостью, неуклюжестью в политических делах – качествами, делавшими его уязвимым для врагов. Ему суждено было пасть первой жертвой заговора тех, кто стремился посадить на скамью подсудимых именно еврея. Мишук искренне полагал, что в преступление замешаны родственники, решительно отвергая «ритуальную» версию, – и с неумолимым рвением стремился доказать свою правоту.

Двадцать четвертого марта, через четыре дня после того, как нашли тело Андрея, Мищук арестовал Луку Приходько и его жену Александру, которая была на пятом месяце беременности, а также брата Александры Федора Нежинского, обвинив их в убийстве мальчика.

Заклучив под стражу мужа и жену, Мищук начал активный поиск вещественных доказательств. 25 и 26 марта полиция обыскала дом Приходько, действуя не более искусно, чем в пещере. «Все разбили и разгромили», – позднее показала на допросе бабушка Андрея. Она пыталась остановить полицейских, но напрасно: «Я, конечно, кричала, плакала, говорила – что вы делаете? <...> Говорили, что прикладом убьют». Они отковыряли от стен семь кусков штукатурки с темными пятнами и забрали некоторую одежду Александры и Луки, тоже запачканную чем-то, напоминающим по цвету кровь. Александру допрашивали двенадцать дней из тех тринадцати, что она провела под арестом, с девяти утра до часу или двух ночи. Мищук докладывал, что, «будучи допрошена по этому поводу, Александра Приходько сначала заявила, что это не кровь, а затем стала говорить, что таковая могла попасть на платье при кровотечении из носа». Луку и Александру отпустили 5 апреля. Пятна на стенах и одежде оказались от овощного сока. Следов крови в квартире обнаружено не было. Вернувшись домой, они, по словам Луки, увидели, что все «вскопано, все переверорчено, все сломано». «Это было время, когда я не знал, жить мне или умереть», – ска-

зал он на суде.

Через некоторое время после визита соседа-черносотенца, сообщившего ему о подозрении, что Андрея убили евреи, Бейлис узнал, что следователи подозревают семью Андрея. Бейлису было известно, что Мищук и другие сыщики отвергли «ритуальную» версию, а родные Андрея оставались главной мишенью следствия еще не одну неделю после их ареста и освобождения. К тому же он, вероятно, вскоре услышал и о новой подозреваемой – его соседке Вере Чеберяк. Это имя было ему знакомо. Ее дом находился в нескольких десятках метров от его дома, и Бейлис был о ней наслышан.

«ВЕНДЕТТА СЫНОВ ИАКОВА»

Вскоре после похорон Андрея Ющинского в город пришла весна. К Пасхе «холодная и пасмурная погода сменилась чудными весенними теплыми днями», словно, как ликующе писала газета «Киевлянин», сама природа радовалась празднику.

Для евреев, живших в Российской империи, пасхальная неделя всегда таила в себе опасность. Некоторые самые страшные погромы приходились именно на праздничные дни. В тот год, после убийства Андрея, погром казался почти неминуемым. Девятого апреля, накануне Пасхи, в газете «Земщина» появилась статья «Ритуальное убийство». Ссылаясь на якобы преданные огласке результаты вскрытия, автор статьи утверждал: «Совокупность имеющихся данных с полной несомненностью устанавливает, что мы имеем дело с ритуальным убийством, совершенным еврейской сектой хасидов».

Речь шла уже не о листовках, разбросанных провокатором на похоронах, а о статье в газете, контролируемой Н. Е. Марковым, одним из самых видных черносотенцев, депутатом Государственной думы, будущим председателем Союза русского народа. Статью «Ритуальное убийство» перепечатали многие газеты, в том числе почти столь же праворадикальные, но имевшие куда более обширную аудиторию «Москов-

ские ведомости». Эта газета в заметке, сопровождавшей статью, писала, что по Киеву ползет «тревожный слух»: не исключено, что следствие закроют, а преступники останутся безнаказанными. Автор заметки сетовал: «Наша юдофильская печать старается... свалить вину... на кого угодно другого, только не на лиц еврейского племени и веры». И призывал к действию, заявляя: «Не может скрываться пособничество [евреев] употреблению человеческой крови в ритуальных кушаньях... Кровь несчастных Ющинских вопиет к Небу».

Затянувшееся расследование подогревало ярость черносотенцев. Прошел почти месяц с момента обнаружения тела, когда Василий Фененко, следователь по особо важным делам Киевского окружного суда, объявил, что полиция зашла в тупик. Следователи ни на шаг не приблизились к установлению личности убийцы (или убийц) Андрея. Четырнадцатого апреля 1911 года Фененко разослал по местным киевским газетам обращение к гражданам:

По этому делу ни обстановка убийства, ни мотивы его до настоящего времени не выяснены, а... розыски затрудняются недостаточностью имеющегося по делу матерьяла. В виду этого судебный следователь просит всех лиц, располагающих какими-либо сведениями по этому делу, сообщить ему таковые или словесно, или письменно с указанием своего адреса.

Фененко был уполномочен пересмотреть ход расследова-

ния. Внешней причиной для его назначения стал необычный характер убийства. Однако, по некоторым признакам, выбор пал именно на Фененко отчасти потому, что от него ожидали беспрекословного исполнения указаний сверху. Но если начальники из Киевской судебной палаты назначили Фененко именно по этой причине, они просчитались. Фененко был не тем человеком, который послушно исполняет приказы наперекор здравому смыслу и против совести. Фененко, всю жизнь проживший холостяком вместе с воспитавшей его няней, в свои тридцать шесть был вступившим в зрелый возраст уважаемым человеком. Все свидетельствует о его честности, компетентности и неподкупности. Может быть, он порой держался излишне самоуверенно, но действительно хотел справедливости. Порядочность Фененко считал своим главным достоинством. Однако в ходе следствия стало ясно, что это качество ценится не всегда.

К середине апреля Фененко оказался в крайне затруднительном положении. Черносотенцы ругали следователей за некомпетентность и непочтение к памяти Андрея. В определенном смысле их негодование было обоснованным. Мишук начал вести дело неудачно. Полиция жестоко обошлась с родными Андрея. В глазах киевских праворадикалов полицейские были виноваты и в других оскорбительных для русского народа действиях. Николай Павлович, по их мнению, на похоронах мальчика всего лишь пытался предостеречь народ от опасности, исходящей от евреев. Правда, неко-

торых его товарищей-«орлят» – членов местной праворадикальной организации «Двуглавый орел» – тоже задержали, полиция провела обыск в их штаб-квартире. Обращение Фененко к гражданам с просьбой о помощи следствию доказывало в лучшем случае его некомпетентность, а в худшем (чему верили особенно охотно) – причастность к мировому еврейскому заговору. Мотивы преступления и происхождение злоумышленников для правых радикалов были не менее очевидны, чем почти полсотни ран на теле Андрея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.